

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

Цикл

«Терра инкогнита»

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Андрей Величко
Век железа
и пара

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27 Век железа и пара: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1047-7

Начав любое дело, нельзя останавливаться на полпути, даже если тот путь по мере продвижения по нему все более напоминает авантюру. Это прекрасно понимают император Илья Первый, его первый министр Алекс Романцев и пастырь Австралийской христианской церкви Викторий Второй. Они знают, что на Земле многократно возникали великие империи, а потом появлялись их виртуальные отображения — в романах, сплетнях, компьютерных играх, анекдотах и прочих произведениях искусства. Правда, так получилось, что нашим героям приходится решать подобную задачу в обратном порядке, но ведь они образованные люди и поэтому в курсе — от перемены мест слагаемых результат не меняется.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1047-7

© Величко А. Ф., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Капитан Френсис Линсей, которого уже около года звали Людвиг ван Бателаан, спрятал подзорную трубу в чехол и начал быстро спускаться с росшего на небольшом пригорке огромного дерева. С его вершины можно было рассмотреть окрестности в радиусе как минимум десяти миль, чем капитан и занимался в эти последние полчаса.

Как и ожидалось, молодой человек не увидел никаких признаков цивилизации. На востоке и на юге были густые леса, на севере — цепь невысоких холмов, покрытых кустарником, а в трех кабельтовых к югу начинался бескрайний океан.

В той стороне Френсиса интересовала в основном небольшая узкая бухточка в устье маленькой лесной речки. Даже зная, что там сейчас находится его бриг «Доротея», он с немалым трудом смог его обнаружить.

Левый берег речки был высоким и обрывистым, и бриг, пользуясь приливом, удалось подвести под самый заросший кустами склон. Такелаж замаскировали ветками, на корпус была наброшена сеть, так что обнаружить корабль стало не таким уж простым делом. Особенно сверху, в чем сейчас и убедился Френсис. Король советовал ему обратить самое серьезное внимание на маскировку, имея в виду, что у австралийцев есть летающие корабли, которые вполне могут патрулировать эти места.

Но все было в порядке. Бриг заметить трудно, а временный лагерь, разбитый в четырехстах ярдах от него вверх по речке, вообще невозможно.

Капитан кивнул ждавшему его у подножия дерева матросу, тот подал ему одно из двух имеющихся у него ружей, и вскоре они шагали к лагерю. Но с осторожностью и держа оружие наготове, ибо хорошо помнили жуткие ночные вопли какого-то несомненно хищного зверя, полночи раздававшиеся из леса. Кроме того, мистер Мосли в свое время познакомил Френсиса с краткой подборкой по животному миру Австралии. Рассказал о ледяных птицах, полярных жабах, пингвинах-живоглотах, хихервохерах и прочей жути. Правда, его сведения относились в основном к метрополии, но и в колониях могут водиться существа ничуть не лучше. Кстати, не хихервохер ли это мелькнул в кустах? Морда, во всяком случае, с беглого взгляда вроде была похожа на показанный Френсису рисунок.

Капитан велел матросу внимательнее смотреть назад, ибо известно, что хихервохер атакует человека преимущественно сзади, делая длинный прыжок и вцепляясь своими мощными челюстями в ягодичные мышцы.

В лагере завершалась сборка ботика, на котором предстояло исследовать окрестности места высадки.

При планировании операции Линсей исходил из последнего сообщения Темпла, где говорилось, правда с оговорками, о возможной неточности этих сведений, что каторжане на земле Тасмана рубят лес. Но если так, то их лагерь должен быть расположен на северной оконечности острова — отсюда ближе всего до Новой Австралии. «Доротей» же якобы потерпела крушение недалеко от крайней западной точки острова. В десяти милях севернее береговая линия под острым углом поворачивала на юго-запад, и исследоваться будет в первую очередь именно то направление. Но без спешки. Френсиса не раз предупреждали, что торопиться некуда.

Ему и его людям следовало осторожно, по возможности не попадаясь на глаза как воздушным, так и обычным кораблям австралийцев, найти место, где те содержали пленных английских пиратов. Кроме того, выяснить, есть ли на острове аборигены, и, если они найдут-

ся, вступить с ними в контакт, имея в виду, что впоследствии он может перерасти в союз. Вторую задачу должен был выполнять сухопутный отряд под командованием старого знакомого Линсея, боцмана со «Сворд-фиша». В случае успеха миссии ему, кроме немалой денежной премии, было обещано дворянство.

Если же обнаружения австралийцами избежать не удастся, следовало изображать из себя жертв кораблекрушения. Поэтому ботик имел нарочито потрепанный вид, как и одежда участников обоих поисковых отрядов.

Итак, первый этап операции, то есть незаметная высадка в укромном месте земли Тасмана, прошел успешно. Френсис надеялся, что у него и его спутников хватит сил и умений довести дело до конца.

ГЛАВА 1

Накреньясь на правый борт, «Чайка» и «Кадиллак» птицами летели на запад под свежим южным ветром. Понятно, что «летели» — это метафора: они все-таки корабли, а не дирижабли. Но скорость двадцать—двадцать пять километров в час, которую мы выдерживали уже почти две недели, лично у меня вызывала, как говорил дорогой Леонид Ильич, чувство глубокого удовлетворения. Не сравнить с возвращением из Европы, когда мы еле плелись, подлаживаясь под убогую скорость сопровождавших нас английских кораблей.

Я стоял на носу своего корабля и, облокотясь на фальшборт, предавался воспоминаниям и размышлениям.

Когда семь лет назад я собирался в прошлое, то, конечно, не мог обойтись без раздумий о своей в нем новой жизни. В основном она мне представлялась по роману «Граф Монте-Кристо», только без отсидки и последовавшей за ней мстью виноватым в этой неприятности. То есть знатный вельможа из далекой заморской страны для своего удовольствия путешествует по миру на яхте, иногда удостаивая своим посещением некоторые европейские столицы. Естественно, производя там фужер, фураж и фурур. И, кроме того, подвергаясь успеху у дам.

Ага, разбежался. Ибо умные люди задолго до моего рождения написали: «В начале было слово!» И написали совершенно справедливо. Стоило мне в одном месте вякнуть то самое слово — мол, я являюсь герцогом из далекой, великой и могучей Австралийской империи, —

как довольно быстро оказалось, что так оно и есть. Империя начала жить своей жизнью, причем, хоть я и не стеснялся в описаниях присущих ей чудес, мне иногда про нее рассказывали такое, что затруднительно было решить — стоять или падать от изумления.

В общем, теперь почти никто не сомневался в существовании этой страны, а также в ее размерах и могуществе. Однако слово «почти» я употребил не зря. Сомневающиеся были, причем, как ни странно, ими являлась правящая верхушка той самой империи. Его императорское величество Илья Первый, владыка Австралии, колоний и поселений, и его светлость герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал и первый министр. Под таким именем в завершающемся сейчас семнадцатом веке фигурировал я.

На самом же деле ничего удивительного в сложившейся ситуации не было. Многие вещи начинают свое существование сначала в умах людей — и только потом приобретают некие материальные черты. Нас с Ильей смущал тот факт, что с великими империями подобного пока не происходило, только и всего. Но, как говорится, все когда-нибудь случается в первый раз. В силу чего мне пришлось вспомнить, что сказали про аналогичную ситуацию Ильф с Петровым. А именно — как и из Бендера, графа Монте-Кристо из меня не вышло. Правда, упреков империи были совершенно без надобности, так что мне пришлось переквалифицироваться в министры и дипломаты.

День потихоньку клонился к вечеру. Сменились вахтенные, и я тоже отправился в свою каюту. Хотелось до визита жены в очередной раз почитать копии доклада Темпла королю, запечатанный оригинал которого хранился в судовом сейфе. Но старый лис, похоже, не верил никому и при написании всех сообщений, передаваемых через нас или, как это, с нашим кораблем, всю прибегал к эзопову языку. Интересно, застану ли я по возвращении в живых старого дипломата? Энциклопедия сооб-

щала, что он умер в девяносто девятом году. Но то было в дикой Англии, то есть при отсутствии лекарств, квалифицированной медицинской помощи, да к тому же и климат там не самый здоровый. Так что у меня имелись вполне обоснованные надежды еще не раз встретиться с троюродным дядюшкой Джонатана Свифта. У старика было чему поучиться, причем не только Свифту, но и мне.

Примерно треть доклада занимали материалы об императоре. Но описанию его габаритов и феноменальной силы было уделено всего полстраницы, основное место занимали наблюдения за тем, куда, как и насколько часто отлучается из Ильинска его величество.

По Темплу выходило, что за время нахождения английского посольства в Ильинске император пребывал в отъезде около двух месяцев. За это время он успел два раза слетать в метрополию на дирижабле и один раз на корабле посетить какую-то другую колонию, расположенную сравнительно близко, не далее тысячи миль от Ильинска.

Вот тут Темпл был прав на все сто. Деревня Потогонка, куда Илья как-то раз смотался на две недели, действительно находилась ближе чем в тысяче миль. До нее было пятьдесят километров по прямой или девяносто по морю.

Что же касается путешествий на дирижабле, то тут старый дипломат стал жертвой оптического обмана, к которому, правда, приложил руку и ваш покорный слуга. Попробуйте-ка определить размеры пролетающего над вами объекта! Без привычки это не получится, даже если знать высоту. У Темпла привычки не могло быть по определению, но про высоту я ему на всякий случай пару раз обмолвился. Однако данная информация ему помогла мало.

Оставался единственный способ — сравнительный. Если на летящем объекте найдется что-то, размер чего вам известен, вычислить величину будет нетрудно. На дирижабле «Граф Цеппелин» оно нашлось в виде перио-

дически высовывающихся из окон и махающих руками фигурок.

Вообще-то данный дирижабль при объеме двести пятьдесят кубов мог поднять груз семьдесят — семьдесят пять килограммов, но этого хватало, так как его пилот Франсуа весил от силы шестьдесят. Он лежа располагался в гондоле с имитацией окошек, надевал на пальцы правой руки куклу и устраивал над Ильинском воздушное представление. Поэтому англичане малость ошиблись с размерами. По докладу дирижабль имел в длину шестьсот футов, тогда как в действительности эта цифра составляла семнадцать с половиной метров.

Ту часть доклада, где утверждалось, что Илья является потомком атлантов, я прочитал мельком, ибо черновики для нее Темпл начал готовить уже давно. Правда, в окончательном варианте была конкретизирована историческая часть. Раньше этого сделать не получалось, ибо мы с Ильей только незадолго до отъезда расставили его предшественников и предков по своим местам.

В общем, до Бариновых Австралией правили Немцевы. Последний из них, Николай Никакой, довел страну до ручки, а потом отрекся, в результате чего в империи началась смута.

Она была прекращена титаническими усилиями первого представителя новой династии, Иосифа Великого. При нем империя уверенно двигалась по пути прогресса, но, к сожалению, он не оставил прямых наследников. После смерти Иосифа трон около года занимал его дальний родственник Лаврентий Четырехглазый, но тут на политическую арену непонятно откуда выскочил некто худородный и вообще ни к какой династии не относящийся по имени Н. С. Хукурузер. Убив Лаврентия, авантюрист объявил себя императором. Это чмо измывалось над империей десять лет, заработав кличку Никита Задоголовый и испохабив почти все, что ему досталось от Иосифа Великого, но в конце концов его скинул с трона и отправил в ссылку троюродный племянник Иосифа Леонид Звездоносец.

Разумеется, кто-то может найти в данном описании некоторые неточности. Им я могу только сказать, что мы писали все-таки историю Австралийской империи, а не КПСС. Темпл же пересказал ее, снабдив своими комментариями и отсылками к недавней истории Англии, где, насколько я понял, речь шла о Карле, Якове и Кромвеле.

Далее шел пересказ моей родословной, но тут англичанин обошелся без отсебятины. Мое описание жизни и подвигов козельского княжича Романа, угнанного в плен, но бежавшего аж из Китая и добравшегося до Австралии, было перенесено в доклад практически слово в слово.

Кроме писаний Темпла имелся и доклад второго секретаря посольства Ричарда Эвери, который, кажется, имел какое-то отличное от гуманитарного образование. Во всяком случае, он специализировался на описании наших технических новинок.

Бегло просмотрев две страницы про императорский рыдван, я перешел к тому, что этот тип смог нарыть про наши турбины. И почувствовал глубокое разочарование, ибо, несмотря на толстые намеки и чуть ли не прямой показ, он так и не смог понять, что такое сопло Лавая. Единственный его вывод заключался в том, что лопатки на ступенях турбины должны не только стоять под разными углами, но и располагаться на дисках уменьшающегося к концу диаметра. И как только такой двоечник, до сих пор не понявший, где у турбины вход, а где выход, ухитрился пролезть в посольство, сокрушенно подумал я, переворачивая страницу.

Основные усилия этот промышленный шпион сосредоточил на станках. Разумеется, никто его и близко не подпускал к большому сараю, громко именуемому механическим заводом. Но англичанин обосновался на соседнем холме с подозрительной трубой и все-таки смог что-то увидеть, когда ворота сарая распахивались. Для маскировки своих нехороших намерений он таскал с собой мо-

льберт с красками и холст, где в конце концов намалевал панораму Ильинска, но довольно коряво.

Предок Джеймса Бонда отметил, что в наших токарных станках мастер не держит резец рукой, для этого есть какое-то приспособление. Правда, никаких подробностей конструкции суппорта он не разглядел. Кроме того, наблюдатель написал, что у австралийцев есть и другие станки, где деталь закреплена неподвижно, а двигается и вращается обрабатывающая ее зубчатка.

Потом автор описал свои исследовательские работы. В принципе ничего, лично мне пока подобное в голову не приходило, надо будет взять на вооружение идеи мистера Эвери.

Он обратил внимание, что, хотя завод и находится рядом с плотиной на ручье, механической передачи вращения от водяного колеса к станкам не видно. Далее он не поленился произвести эксперимент. Взял два магнита и приклеил их к концам тонких прямых палочек. После чего, вращая одну из них, наблюдал, как вращается вторая, вроде бы не соединенная с первой. Эффект у него получался только на расстояниях до пяти сантиметров, а по размерам нашего сарая он сделал вывод, что австралийская наука преодолела десятиметровый рубеж магнитной передачи вращения. Сделанному им выводу способствовало то, что все наши станки располагались вдоль оси вращения водяного колеса.

Третьим документом посольской почты был доклад Свифта, посвященный образованию. Еще когда мы с Ильей читали черновики, у нас возникла мысль: а не придержать ли его под каким-нибудь предлогом? Но потом, подумав, решили все-таки не препятствовать отправке, потому как сути нашей системы не спрячешь. В конце концов, та же Элли сможет пересказать ее в трех словах.

Так вот, к некоторому моему сожалению, Джонатан Свифт не испытывал ни малейшей потребности описать что-либо наподобие путешествия Гулливера в страну лилипутов или страну разумных лошадей. Его больше ин-

тересовало положение с начальным образованием в Австралии. До другого его просто не допускали — Ильинский университет являлся закрытой организацией.

Свифт три раза подчеркнул, что воспрепятствование обучению грамоте и счету своим детям по нашим законам влечет за собой административную ответственность, а в случае рецидива — уголовную. Далее он уточнил, что минимальная грамотность является необходимым условием получения имперского подданства, и по косвенным признакам сделал вывод, что неграмотных в Австралии очень мало, а дворян среди них вообще нет. Особенно его поразили тот факт, что закон не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, то есть девочки тоже учились в школе. Мало того — некоторые, проявившие особые способности, и в университете! Про который Свифт знал только то, что он существует.

В общем, после прочтения этой бумаги я мог утешаться одним — что в Англии никто не даст Вильгельму начинать вводить хоть что-нибудь похожее на нашу систему: все-таки он далеко не абсолютный монарх.

Однако тут раздался осторожный стук в дверь, вслед за которым в каюте появилась моя третья жена, герцогиня Элли Романцева, и я отложил бумаги. У нее было настолько взволнованное лицо, что я даже решил — случилась какая-то неприятность, но потом сообразил, что девочка просто пришла признаваться. Я так и думал, что она сделает это в пути, причем в его первой половине, но после того, как мы уже достаточно удалимся от Австралии. Так и оказалось.

Третью жену мне сосватал, а если быть точным, то просто подложил королевский камердинер Натаниэль Мосли, в благодарность за что я вез ему богато украшенный не только сапфирами и изумрудами, но и алмазами револьвер. Ибо Элли того стоила. Будучи натуральной голубоглазой блондинкой, она оказалась вовсе не душой, а совсем даже наоборот.

Разумеется, в Австралии за ней наблюдали, и я мог

точно сказать, что она почти не общалась с англичанами из посольства и уж тем более не вела каких-то записей. Судя по всему, она была агентом влияния, хотя Мосли наверняка не знал такого термина. Ее задачей являлось поддерживать во мне настроения типа того, что Англия — очень хорошая страна, Вильгельм — замечательный правитель, прямо-таки чуть не лопающийся от честности и благородства, и так далее. Я был ничуть не против, потому как по своей инициативе мы с Англией ссориться совершенно не собирались. По крайней мере до тех пор, пока наша численность не перевалит за миллион, а возможно, и после этого события.

В общем, я объяснил герцогине, что не вижу в создавшейся ситуации ничего страшного. Во-первых, я про нее и так знаю, причем давно, с момента нашего отбытия из Англии. А во-вторых, у каждого есть свои маленькие недостатки. Подумаешь, задание она выполняет, эка невидаль. У некоторых вообще ноги не только короткие, так еще кривые и волосатые! И ничего, живут.

По идее в этом месте девочка должна была расчувствоваться и обратиться ко мне за помощью, чтобы дополнительно подчеркнуть свою лояльность и незащищенность, и она не обманула моих ожиданий. Трагическим шепотом Элли поведала мне, что у нее было и задание попытаться попасть в постель к императору, а не получится — хотя бы собрать побольше сведений о нем. Но она, наверное, неспособная, да к тому же была занята — ну так занята семейной жизнью... в общем, у нее не получилось, и она прямо не знает, что теперь делать.

Я объяснил, что, согласно специальному императорскому указу, имею право в случае необходимости производить любые действия от его высочайшего имени, каковым правом и готов воспользоваться прямо сейчас. Потом начал было обещать, что сам расскажу ей про Илью столько, что хватит на несколько обширных докладов, но Элли уже избавилась от лишних деталей туалета, так что рассказ сам собой отложился на будущее.

ГЛАВА 2

Неплохая скорость наших кораблей плюс сравнительно благоприятная погода привели к тому, что уже через два с половиной месяца после выхода из Ильинска «Чайка» с «Кадилаком» приблизились к острову Мадейра. Тут мы собирались сделать первую и единственную остановку на пути в Англию. Ну и посмотреть, насколько серьезен был представитель голландской Ост-Индской компании, еще в мае посетивший наше посольство в Лондоне.

Уже километров за десять до Фуншала стало видно, что в порту куда оживленнее, чем когда мы здесь были в прошлый раз. Тут стояли четыре больших корабля и два средних, примерно с наши шхуны. По мере нашего приближения пять подняли голландские флаги, а небольшой фрегат — португальский. На всякий случай артиллеристы заняли места у орудий, но португалец был настроен на редкость миролюбиво. Мало того что он не открывал пушечных портов, так по мере нашего приближения две шлюпки развернули его носом к месту, где мы встали на якоря. Носовая пушка у фрегата отсутствовала.

От всех же прочих кораблей в нашу сторону направились шлюпки, но я взял мегафон. И хотя меня подмывало на всю гавань процитировать незабвенного Шарикова: «В очередь, сукины дети, в очередь!» — я выразил эту же мысль по-английски и чуть более политкорректно. Вскоре после чего принимал начальника порта — того же, что и в прошлый раз. Он тут же заверил меня, что с недавно прибывшей второй партией французов все в полном порядке, они окружены заботой и ни в чем не нуждаются, а также...

— Сколько? — перебил я его многословные излияния.

— Девяносто один человек, из них тринадцать женщин и двадцать два ребенка.

— Спасибо, но я вообще-то спрашивал про деньги.

В ответ начальник понес какую-то ахинею — типа он

не осмеливается требовать денег у моей светлости, желая лишь загладить память о неприятном инциденте, который...

— Дорогой дон Мануэль, — хмыкнул я, — будь у меня хоть тень подозрения, что вы явились сюда с какими-то требованиями, вас бы давно уже вышвырнули за борт. На будущее запомните и передайте всем интересующимся, что требовать от австралийца может только его непосредственный начальник, в данном случае — сам император, ибо других начальников у меня нет. Всем прочим остается либо просить, либо предлагать. Так вот, мне хотелось бы услышать ваши предложения о том, какой вам представляется компенсация за пребывание на острове французов.

Вскоре ставший на сто рублей богаче начальник порта отбыл, и его место занял уже ждавший своей очереди господин Питер ван Рибек, доверенное лицо и личный секретарь директора голландской Ост-Индской компании Николааса Витсена. Теперь стало понятно, ради какой персоны сюда заявился линейный корабль, на который последние полчаса с определенным интересом заглядывался главный артиллерист и командир снайперской группы «Чайки» Вака. Впрочем, пока корабль вел себя вполне прилично. А учитывая важность миссии, порученной прибывшей на его борту персоне, вряд ли в ближайшее время следует ждать неожиданностей, подумал я, но, естественно, ничего Ваке не сказал. Ибо его обязанность — быть готовым в любой момент уничтожить все, что может оказаться опасным для наших шхун.

Решив, что остальные подождут, я пригласил ван Рибека пообедать: вопросов к нему у меня было достаточно. На первый из них он ответил сразу — да, из стоящих в бухте кораблей два зафрахтованы для перевозки французов. Шкиперы в курсе относительно наших требований про недопущение смертности среди пассажиров и знают, чем это может быть для них чревато.

— Без этого пункта фрахт вышел бы вам почти вдвое дешевле, — заметил голландец.

— Ничего, не разорюсь. Как вам тушенная кенгурятина? Это я к тому, что мы умеем сохранять мясо свежим достаточно долгий срок. Годами. Это, так сказать, будет дополнительным бонусом шкиперам. Если переселенцы не только не потерпят ущерба в своем здоровье, но и останутся довольны путешествием, мы поделимся этим секретом. Все лучше, чем по полгода давиться тухлой солониной. Ну и пора, наверное, приступить к главному вопросу.

Ван Рибек был полностью согласен и достал уже подготовленный текст договора между Австралией и Ост-Индской компанией. Я внимательно прочитал его. Он ничем не отличался от того, что был передан по радио нашим посольством. Основной смысл бумаги состоял в том, что компания признает нашу зону влияния в заданных координатах, а мы в ответ признаем все ее владения — как имеющиеся на сегодняшний момент, так и могущие образоваться в будущем. Обе стороны обещают воздерживаться от несанкционированных посещений территории друг друга.

Я подписал оба экземпляра, отдал один ван Рибеку и заодно подарил ему роллер, а то больно уж завистливым взглядом он смотрел, как я им пишу. После чего мы перешли к следующему вопросу.

— Во время визита господина Витсена в наше посольство была достигнута предварительная договоренность о постройке для нас нескольких кораблей на верфях компании, — напомнил я. — Причем по нашим чертежам. Прибыл ли с вами специалист, способный оценить наши требования? Чертежи я, естественно, привез.

Оказалось, что специалист прибыл, даже два — они ждут в лодке, которая привезла на «Чайку» ван Рибеку. И вскоре они вошли в мою каюту.

Следующие сорок минут я только и делал, что отвечал на их многочисленные вопросы. Собственно, главных было два. Будут ли эти корабли обладать достаточной

устойчивостью для того, чтобы выдержать любой шторм? И главное, зачем они вообще нужны, в чем их преимущество перед обычными?

Я ответил, что шторм они выдержат. Смысл же такой формы корпуса и такого парусного вооружения в том, что с ними корабль сможет пройти от Цейлона до Амстердама за два месяца. Или от Ильинска туда же за два с половиной.

Ничего невероятного в моих словах не было: ведь голландцы сейчас изучали чертежи чайного клипера «Фермопилы».

— Дело даже не в том, что это достаточно быстрый корабль, способный при хорошем ветре разогнаться до семнадцати узлов, — пояснил я, — а в том, что даже при ветре в один балл он сможет двигаться со скоростью узла три-четыре.

Надо сказать, что мы с Ильей решились на передачу голландцам чертежей не сразу. Помочь принять решение нам помогли два соображения. Первое — для нас в основном представляли опасность корабли с большим количеством солдат и пушек, а вовсе не те, что способны двигаться при любом ветре. В конце концов, у парохода это все равно получится лучше. Да и вообще чайные клиперы — это все-таки не военные корабли. Второе же соображение заключалось в том, что высшая точка расцвета Голландии уже позади, пусть там почти никто этого не понимает. На всякого рода спекуляциях и посредничестве можно совершить кратковременный рывок, но нельзя обеспечить процветание страны в длительной перспективе. Тут уже нужно развивать промышленность, чем голландцы не очень заморачивались. А вот в Англии это понимали хорошо, несмотря на то что и там и там вроде бы правил один и тот же человек.

То есть чем дальше, тем больше голландцам будет не до нас — у них скоро начнутся свои проблемы. Ну а пока постройка кораблей на их верфях обойдется дешевле, чем в Англии, пусть они их и строят. Кстати, голландские мастера работают на интуиции, никакой особой те-

ории у них нет, так что вряд ли они смогут сделать серьезные выводы из наших документов. Будут продолжать тупо копировать «Фермопилы», и все.

Вскоре корабельные мастера вынесли вердикт, что построить такое на верфях компании можно, и удалились. Мы же с ван Рибекком приступили к обсуждению цены.

— У Австралии два предложения, — пояснил я. — Первое — мы целиком оплачиваем все пять кораблей. Но тогда вам нельзя будет строить такие же для себя, и, кроме того, компания возьмет на себя ответственность за сохранение их в тайне. То есть если мы увидим где угодно еще хоть один такой корабль, то немедленно объявим войну Ост-Индской компании. Бомбардировок Амстердама не обещаю, хотя у нас принята программа приоритетного развития воздушного флота, так что, может быть, со временем дойдем и до такого. Но все голландские корабли при встрече с австралийскими будут топиться, это нетрудно.

— Простите, но ведь не все суда нашей страны принадлежат компании!

— А наше какое дело? Пусть ваши купцы вам и говорят спасибо в меру своих возможностей. Но это, так сказать, один вариант. Второй — вы строите нам пять кораблей бесплатно, а потом можете делать их себе или третьим лицам сколько угодно.

— К сожалению, я не уполномочен решать такие вопросы единолично, — развел руками голландец. — Мне нужно посоветоваться с господином Витсенем, а ему, скорее всего, потребуется одобрение совета директоров. С учетом времени пути до Амстердама это может занять от месяца до полутора.

— Ну, столько-то мы в Европе пробудем, однако все равно не теряйте времени.

На этом наша встреча с ван Рибекком закончилась, и до вечера я разбирался с голландскими шкиперами, подрядившимися везти французов в Ильинск. Наконец все вопросы были утрясены, и с кормы «Чайки» вновь ушла

в небо зеленая ракета, что означало — «следующий!». По этому сигналу, как я и ожидал, к нам подплыла шлюпка от португальского фрегата.

Честно говоря, у меня были серьезные подозрения, что от нас сейчас начнут требовать объяснений, а то и компенсации за утопленный в позапрошлом году фрегат, так что я дослал патрон в ствол парабеллума и велел палубной команде быть наготове. Однако португалец, представившийся как посланец короля Педру II, был настроен на редкость миролюбиво. То есть он, даже не успев толком откусать предложенного ему тунца под маринадом, начал плакаться про тяжелые времена, наступившие для его страны.

Тут я немного удивился. По моим сведениям, как раз сейчас дела обстояли несколько наоборот. Десять лет назад в Бразилии были открыты месторождения серебра, что позволило королю серьезно укрепить свое материальное положение. И политическое тоже, ибо португальский парламент, именуемый кортесами, распорядился налоговыми сборами. И соответственно выделял часть полученных денег монарху. Или не выделял, это уже зависело от поведения его величества. Бразильское же серебро дало королю возможность послать свой парламент далеко и надолго, после чего править самостоятельно без оглядки на копейки от кортесов и не вспоминая ни о какой демократии.

Однако португалец быстро рассеял мое недоумение. Он объяснил, что средства-то из Бразилии поступают, но в значительно меньших количествах, чем могли бы. Потому как корабли приходится охранять, а с флотом у Португалии сейчас не очень. Больших фрегатов было всего пять, а по несчастливой случайности, произошедшей не так давно, их осталось четыре. Из Индийского океана португальцев практически вытеснили голландцы с англичанами. В Индии осталось три небольшие колонии — Гоа, Диу и Даман.

Я сочувственно покивал. Второе и третье слово мне не говорили абсолютно ничего, но в Гоа любил отдыхать

мой сын. Он и меня неоднократно звал составить ему компанию, но я отказывался. Потому как финансы начали позволять нам подобные телодвижения только тогда, когда мне уже перевалило за семьдесят. В таком возрасте как-то уже не очень тянет на экзотику. Но сейчас совсем другое дело, и посещение данного места вообще-то входило в мои планы. А тут, значит, голландцы собираются отобрать его у португальцев? Нет, это не дело. Как я там отдыхать буду, если всякие-разные начнут какие-то войнушки? Руки прочь от моего Гоа! Пусть голландцы обходятся Индонезией, она большая.

Тем временем португалец дошел до сути своих предложений. Он попросил нас по дипломатическим каналам обеспечить неприкосновенность Гоа и прочих мест, откуда их еще не выперли, а также выделить для охраны серебряных галеонов две, а лучше три маленькие боевые яхты. Судя по всему, он имел в виду «Победу». В обмен на это король устами своего посланца обещал нам любые концессии в Бразилии, за исключением мест, где уже обосновались португальцы.

— Нет, — вздохнул я, — концессии нам не нужны. А вот прямые поставки сока гевеи и бальсы не помешали бы. Что означают эти слова? Породы деревьев, вам их покажут на картинках и объяснят, где они растут.

В качестве иллюстрации я продемонстрировал посланнику некий предмет и объяснил, что он делается из сока гондодерева, произрастающего в метрополии, но таких деревьев там мало, а сока они дают еще меньше. Гевея же хоть и не идеально, но все-таки может их заменить.

— Но каково назначение этого изделия? — не понял собеседник.

Я объяснил, после чего португалец минут пять переваривал полученные сведения, а потом у него на физиономии начало проступать понимание, потихоньку переходящее в восторг. Весь его вид чуть ли не кричал: я понял! Понял, почему у австралийцев проблемы с заселением колоний! Да еще лет сто повального применения

таких штук — и дальше у них и в метрополии никого не останется! Но углубляться в открывшуюся ему тему он не стал, а поинтересовался объемами наших потребностей. Услышав цифры, мой гость помрачнел, но все же пообещал довести их до сведения его величества, с чем и отчалил.

Перед сном я обдумал итоги первого дня нашего второго визита в Европу. Хотя остров Мадейра скорее всего относится к Африке, политика в его бухте началась самая что ни на есть европейская. То есть нас, как и предполагалось, потащили во всякие союзы. Правда, представители французских властей пока себя не проявили, но зато внезапно вылезли португальцы. И довольно кстати, потому как рабочих рук еще и на серьезную добычу бальсы с резиной у нас просто не было, а в Австралии эта ботаника созреет никак не раньше чем через пять лет. За такое действительно не жалко выделить для охраны два «Груманта» с командами по восемь человек на каждом.

Отбив в лондонское посольство радиограмму о том, что завтра мы покидаем Мадейру и, судя по погоде, через неделю будем в Дувре, я отправился спать.

Вскоре оказалось, что мой прогноз не совсем точен. Первый этап нашего путешествия завершился не через неделю, а спустя восемь дней, и не в Дувре, а в Куинборо. Из посольства сообщили, что нам предлагается идти туда. Наверное, Вильгельм не хотел так уж облегчать французам контакты с нами. Или сыграло роль то, что от Куинборо до Лондона было всего около восьмидесяти километров, а не сто с гаком, как от Дувра. Да к тому же добираться можно было и по воде.

На этот случай мы захватили с собой разборный катамаран с подвесным мотором — сорокасильной «Ямахой». К мотору прилагалась железная труба с небольшим паровым котлом, а внутри этой трубы находилась настоящая турбинка, которая великолепно выполняла возложенные на нее функции, то есть свистела, гремела, тряс-

лась и плевалась паром. Аналогичное устройство, только поменьше, было присобачено и к квадроциклу, который мог взять на борт катамаран. Потому как лошади в качестве средства передвижения меня устраивали не так чтобы очень. Из кареты ничего не видно, а верхом я ездил без особого блеска, если не сказать больше. Разумеется, это никого не удивило бы, ибо все уже знали, что в австралийской метрополии лошадей нет вообще, а в колониях они появились совсем недавно. И вообще мы, Романцевы, издревле специализировались по верховым монтам. Ну а в Англии, где их почему-то нет, придется ездить на квадре или велосипеде.

ГЛАВА 3

В отличие от первого визита сейчас погода в Англии откровенно радовала. И хотя на календаре было восемнадцатое ноября, на небе светило солнышко, на земле царил золотая осень, а термометр показывал плюс двенадцать градусов.

Монтировать катамаран мы начали еще в пути, так что через час после нашего прибытия в Куинборо он был спущен на воду. На борту «Чайки» уже имелся дворецкий из Кенсингтона, который должен был показывать нам дорогу, хотя, конечно, по докладам нашего посольства я ее и сам неплохо знал.

В общем, на катамаран погрузили сначала квадр с прицепом, потом дворецкого, а затем туда перешел я в сопровождении трех бойцов охраны. Герцогиня пока оставалась на нашем корабле. Вообще-то поначалу она тоже рвалась выйти на английскую землю в составе первой партии, но я объяснил ей, почему это не лучший вариант. Ведь народ будет в основном пялиться сначала на катамаран, потом на квадр, ну и моей персоне перепадет немножко интереса. Если же там окажется еще и Элли, то на ее долю останется не так уж много внимания публики. А вот на втором рейсе она станет главным объек-

том восхищения и сможет достойно продемонстрировать лондонцам свою неподражаемость, оттененную заморскими нарядами небесную красоту и так далее.

— Это, конечно, правильно, — задумалась Элли, — но как же быть с твоим... э... ограниченным территориальным правом? Которое на триста четырнадцать метров.

Дело было в том, что по австралийскому законодательству у Элли еще не вышел срок моратория на пересечение границ, и она вроде как не могла покидать Ильинска. Однако император издал указ, где говорилось, что я являюсь субъектом ограниченного императорского территориального права, в силу чего местность на триста четырнадцать метров вокруг меня условно считается австралийской колонией. И Элли теперь спокойно могла плыть со мной в Европу.

— Ничего страшного, — успокоил я супругу, — вот прямо сейчас сяду и напишу распоряжение, что от Кенсингтона до Куинборо триста двенадцать метров. То есть ты будешь абсолютно чиста перед законом. — Это я слегка ошибся с измерением расстояния. Надо только не забыть сразу по возвращении напомнить императору, чтобы он объявил мне за это выговор без занесения в личное дело, и все.

Отчалили мы в одиннадцать утра и за четыре с половиной часа достигли Лондона, а потом еще час с лишним плыли уже в городской черте. Не потому, что город был таким уж большим, хотя все-таки вдоль Темзы в нем было не меньше десяти километров, а из-за оживленного движения по реке. В городской черте оно было почти как на Садовом кольце в час пик. Если же уточнить, что я имею в виду не начало двухтысячных годов, а, скажем, конец семидесятых, моя метафора лишится всякого преувеличения.

Короче говоря, по Темзе во все стороны плавало до фи́га всяких посудин. От лодочек, где с трудом помещалось три человека и которые в основном сновали попе-

рек реки, до корабликов размером примерно с «Победу», а то и побольше. Они, понятное дело, плыли вдоль.

Наконец в шестом часу вечера катамаран достиг моста, который в будущем называли Старым Лондонским, а в настоящем он был единственным. Размер его арок нам из посольства сообщили давно, так что катамаран там проходил, но к нашему появлению развели подъемную часть у левого, если смотреть с востока, края. Я с некоторым подозрением глянул на ржавые цепи, держащие поднятые части, но все же решил рискнуть: вряд ли они лопнут именно в момент нашего прохода.

Мост, конечно, на мой неискушенный взгляд, смотрелся донельзя экзотично. Казалось бы, он один-единственный в довольно большом городе. Построить его было непросто, нового в ближайшее время не предвидится, значит, надо по возможности увеличить пропускную способность имеющегося. Так нет, англичане поступили строго наоборот. Весь мост был застроен домами, причем вплоть до четырехэтажных! А посреди всех этих архитектурных излишеств торчал шпиль церкви.

Ладно, наличие на мосту лавок еще объяснимо, думал я, разглядывая этот средневековый памятник. В принципе можно понять, почему тут решили построить церковь, — для повышения посещаемости: место-то людное. Но кому понадобилось возводить на мосту жилые дома? Неужели в Лондоне земля столь дорога, что приходится пускаться на подобные ухищрения? А уж жить в них — брр. Это ведь даже не проходной двор — более точной аналогией будет перрон Казанского вокзала.

После моста мы проплыли еще километров шесть, пока не оказались у свежестроенной пристани высотой точно по борт груженого катамарана — ее соорудили к нашему визиту. Я взгромоздился на уже загруженный квадрат, охрана заняла место в прицепе, и мы наконец-то оказались на английской земле. Катамаран развернулся и пошел назад, а мы двинулись на север, где в паре километров находился Кенсингтонский дворец, а чуть левее — Гайд-парк. Впрочем, меня туда не тянуло. Судя по

докладам нашего посольства, ничего напоминающего шабаши всяких социалистов и либералов там пока не практиковалось.

Еще проплывая по Темзе, я обратил внимание, что на классический средневековый город из учебника истории Лондон похож не так чтобы очень. Улочки были не узкие и не кривые. Вот и сейчас я ехал по приличной ширины аллее, где несколько раз без проблем разъехался со встречными повозками.

Между прочим, лошади моего квадра не пугались. И значит, имевшие место на заре автомобилизма ограничения были связаны с заботой не о лошадях, а об их водителях. Вот они — да, боялись, что автомобили оставят их без работы, на почве чего и кинулись рьяно защищать фауну своей страны от натиска бензиновых чудищ.

Сначала я заехал в наше посольство, где обнялся с ребятами, сгрузил барахло и отцепил прицеп, после чего на квадре отправился в соседний корпус дворца, к Вильгельму, который ждал меня к ужину.

У парадного входа случилась небольшая заминка. Навстречу мне бросились было двое в ярких ливреях, но в растерянности замерли. Скорее всего, это были конюхи или кто там еще должен заботиться о лошадях гостей. Поводья принять, отвести их на конюшню, что ли...

Я объяснил, что овса моему квадру не нужно, а вот чистой воды не помешает. После чего стравил давление и открыл крышку котла. За время пути от пристани до дворца вода там выкипела больше чем наполовину. Конюхи, посмотрев, куда и сколько лить, убежали, а я в сопровождении мажордома отправился к королю.

За почти два года, что мы не виделись, он немного постарел, в бороде прибавилось седины. Про голову я ничего сказать не мог, ибо Вильгельм был в парике.

Мы поздоровались по австралийскому обычаю, то есть пожали друг другу руки, после чего хозяин пригласил меня к столу. Судя по тому, что даже неизменный королевский камердинер появился только в самом начале,

а потом исчез, Вильгельм решил в первую же встречу поднять какой-то серьезный вопрос.

Насколько я был в курсе, у него их имелось два: расстановка сил в преддверии неизбежной войны за испанское наследство и тяжелое финансовое положение Англии.

На втором, пожалуй, следует остановиться подробнее. Хотя последние десять лет экспорт этой страны стабильно превышал импорт, военные расходы заметно превосходили доходы бюджета. Собственно говоря, недавно закончившаяся война за Пфальц оказалась одинаково разорительной для всех участвующих в ней сторон, но кредит Людовика был уже исчерпан, а Вильгельма еще нет. Однако в семнадцатом веке долги все еще было принято отдавать, и с этим в ближайшее же время могли возникнуть большие трудности. Правда, слово «дефолт» в обиход еще не вошло, но дело совершенно явно двигалось именно к нему.

— Друг мой, надеюсь, вы позволите вас так называть? — начал хозяин. — Как мне хотелось бы хоть в первую встречу послушать ваши занимательные рассказы о чудесах Австралии! Но, увы, тяжелое, даже, можно сказать, критическое положение вверенной мне страны диктует другое. Наверняка ведь вы в курсе текущего экономического положения Англии.

Я не стал отрицать, что в общих чертах я его себе представляю. Правда, про то, что в трюме «Кадиллака» лежало сто тысяч рублей, то есть полтонны золота, да еще на ту же сумму алюминиевых столовников как резерв на крайний случай, и это не считая трех килограммов драгоценных камней, я пока промолчал.

— Если хотите, я могу назвать вам цифры внешнего долга Англии, — продолжал король, — но, как мне кажется, они вам уже известны.

— Да, что-то около ста тридцати миллионов фунтов при совокупном доходе за прошлый год в сорок три миллиона, — кивнул я.

К сожалению, эти цифры мне предоставили не мои

разведчики. Их вывел Давенант, а я нашел соответствующее место в монографии, посвященной Грегори Кингу, известному английскому экономисту.

— Судя по тому, что вы подняли этот вопрос, Фуггеры отказали вам в займе, — продолжил я делиться своими сведениями, на сей раз из реферата «Банкирские дома семнадцатого века».

— Еще нет, — улыбнулся Вильгельм, — и я, честно говоря, восхищен вашей осведомленностью. Но могут отказать, особенно если вы не захотите мне помочь.

— В принципе даже те самые сто тридцать миллионов не являются для Австралии запредельной суммой, — заверил я короля, — и вопрос только в обеспечении, которое вы сможете предоставить.

Вообще-то я почти не блефовал. Да, золота у нас не набралось бы и на пятидесятую часть потребных миллионов, но зато запас камней тянул на миллиарды. Правда, чисто теоретически, потому как при хоть сколько-нибудь массивной продаже их цена непредсказуемо упадет.

Вильгельм посмотрел на меня с интересом:

— Ну что вы, я вовсе не прошу у вас одолжить мне такие деньги. Более того, фактически можно обойтись вообще без займа, но именно фактически.

— А, — догадался я, — вы хотите получить авансовый платеж под наши предстоящие заказы? Но оформить его как займ, так?

— Почти. С вашей стороны было большой любезностью выкупить на часть денег некоторые долговые обязательства и не препятствовать слухам, что вы не собираетесь на этом останавливаться, — пояснил Вильгельм. — Если вы согласитесь, я буду весьма вам благодарен, а конкретные формы этой благодарности мы можем обсудить сразу после достижения принципиальной договоренности. Речь идет о сумме порядка двухсот тысяч фунтов.

— То есть примерно ста тридцати тысяч рублей? Ну

тут с обеспечением вопросов возникнуть не должно, так что можете считать договоренность достигнутой.

Где-то за полчаса мы в первом приближении разобрались с финансовыми вопросами, и я познакомил короля с единственной имеющейся у меня светской новостью:

— Помните, в прошлый наш визит вам представляли капитана «Победы» Николая?

— Как же, очень приятный молодой человек. И сильно похож на вашего императора, особенно на снимок, где он молодой. Насколько я понимаю, он тоже относится к царствующей династии?

— Да, это сын Ильи Первого. В прошлый раз он пребывал в Англии инкогнито, а теперь просто с неофициальным визитом. Предваряя ваш вопрос: нет, он не наследный принц — у него есть старший брат.

— Простите, — задумался Вильгельм, — но ведь вы с императором одногодки. Сколько же вам лет?

Этот вопрос мы с Ильей уже обсуждали и решили, что нашим здешним официальным возрастом будет фактически минус сорок два года, так что я ответил:

— Мне сорок девять, как и его величеству.

— Выглядите вы значительно моложе, — вздохнул собеседник. — И, судя по портрету, император тоже. Однако вернемся к теме нашей беседы. Собирается ли принц Николай покинуть борт своего корабля? И если да, то когда и как?

— Да, ему хотелось бы взглянуть на Лондон. А когда и как это устроить — на усмотрение вашего величества.

Мы договорились, что завтра с утра Вильгельм отправится на своей яхте в Куинборо, где пригласит принца, а заодно и герцогиню Романцеву быть его гостями в Кенсингтоне.

Ночевал я в посольстве, где перед сном успел ознакомиться с довольно интересной новостью, правда пока не подтвержденной. Якобы три месяца назад из Эдинбурга в обстановке повышенной секретности вышли два

корабля. Их цель — двигаясь на юг от архипелага Огненная Земля, достичь границ австралийской метрополии и произвести там разведку.

Сообщение было похоже на правду хотя бы потому, что, по имеющимся у Вильгельма сведениям, там находилась самая малонаселенная окраина империи, где крупных городов вообще нет и лишь изредка встречаются охотничьи деревушки.

Немного подумав, я сел к рации. Где-то через час удалось связаться с Австралией, и я отстучал Илье характеристики кораблей, их особые приметы и то, что мои разведчики через завербованного портового плотника смогли выяснить у штурмана одного из них о предполагаемом маршруте. Предупредив, что все это вполне может быть дезинформацией английской разведки, потому как нашим штирлицам пока еще очень далеко до вершин мастерства.

ГЛАВА 4

Когда-то очень давно, где-то через пару месяцев после призыва в армию, я начал было курить, однако года через три бросил. Но с тех пор мне запомнилось, что курящий человек запаха табака практически не ощущает. А когда бросит, начинает его чувствовать опять. Причем, что интересно, он ему, как правило, куда более неприятен, чем тем, кто и не начинал курить.

Нечто похожее произошло и с Элли. Нет, не подумайте, смолить моя супруга не начала, хотя была несколько удивлена тем, сколь энергично я однажды послал некоего лорда, вздумавшего разузнать у меня насчет поставок табака в Австралию. Пришлось прочитать ей краткую лекцию о вреде курения.

Но ее трудности все-таки оказались связаны не с табаком, а с тем, что она выросла в обществе, где мыться в нашем понимании было в общем-то не принято. Гигиенические процедуры для дам высшего света заключались

в том, что оные дамы иногда обтирались мокрой тряпкой над тазиком с водой. Но не злоупотребляли подобным: одного раза в два месяца хватало самым чистоплотным. Примерно так же обстояли дела и у мужчин.

С детства живя в такой обстановке, Элли свыклась с тем, что человек должен пахнуть. А тут вдруг она оказалась среди австралийцев, которые принимали душ чуть ли не каждый день! Или просто обливались водой из ведра, если душа рядом не было. Причем и ей пришлось с ходу привыкать к таким процедурам, еще будучи моей невестой. И она привыкла, но, вернувшись в Англию, вдруг обнаружила, что запахи, которых она раньше не замечала, теперь противны ей чуть ли не до рвоты.

Через два дня после нашего прибытия в Англию Вильгельм устроил малый королевский не то прием, не то бал по случаю неофициального визита австралийского принца Николая, на котором, естественно, присутствовали и мы с Элли. В общем, гости сначала потихоньку собирались в большом зале, где титулы каждого выкрикивал специальный мужик с луженой глоткой и жезлом, коим он стучал об пол после каждого своего вопля. Нас с Элли представили после того, как был объявлен последний из местных, потом озвучили титулы Николая, а в самом конце на торжество явился его величество Вильгельм Оранский.

Кстати, перед приемом король спросил меня о том же, о чем в свое время и наш император, — что я буду делать, если оказываемые моей жене знаки внимания покажутся мне выходящими за рамки приличий. Естественно, я ответил ему примерно то же, что Илье. Вильгельм кивнул стоящему рядом камердинеру, и тот куда-то отчалил — скорее всего, предупредить гостей о специфике предстоящего действия.

Так вот, явился король, еще раз представил присутствующим принца Колю, а потом и меня с герцогиней до кучи, после чего заиграла музыка. Но танцевать никто не начинал, мужчины, открыв рот, пялились на Элли, а

дамы делили внимание между ней и принцем. Посмотреть, честно скажу, было на что. Наряд моей супруги смотрелся совершенно вызывающе, а сама она на фоне прочих особей женского пола казалась пастушкой в свиарнике. Массивная же фигура Коли вызывала восхищенные взгляды дам и завистливые — мужчин. Он еще немного недотягивал до своего отца вширь, но зато был выше его на пару сантиметров, а любого из присутствующих, кроме меня, — как минимум на голову. В данный момент он хмуро озираал собравшееся общество.

В какой-то мере в этом были виноваты мы с Ильей. В преддверии выхода в свет бедный Коля был напичкан страшными рассказами о коварстве женщин, которые в этой дикой Европе начнут вешаться ему на шею, причем все без исключения из самых низменных побуждений. Для закрепления материала принцу подсунули «Трех мушкетеров», посоветовав обратить особое внимание на образ миледи. Впрочем, Николай давно уже был не мальчиком, ибо с его внешностью, да еще в условиях примерно двойного количественного преобладания женщин в Ильинске, подобное являлось просто невозможным.

И вот сейчас он переводил свой взгляд с одной дамы на другую, и в нем ясно читалось что-то вроде: «Нет, конечно, если Родина прикажет, я могу и не такое, но по своей воле — хрен! Идут они все лесом, и где только таких уродин откопали».

Оказывается, все ждали первого танца короля, на который он пригласил Элли. Ну а потом народ помаленьку разошелся. В общем, десяти минут моей супруге хватило, чтобы вцепиться в меня и заявить:

— Алекс, отвечай всем, что я не танцую! О боже, тут совсем нечем дышать!

По ней, правда, нельзя было сказать, что она так уж страдала, но все-таки весь оставшийся вечер мы провели у окна в компании принца Коли. Элли не скупилась на характеристики время от времени подгребающих к нам

дам и кавалеров, Коля скучал, мне пока было интересно, но не так чтобы уж очень.

После танцев был легкий ужин, где Николай сидел по правую руку от короля, мы с Элли — по левую.

— Кажется, у вас в Австралии балы проходят несколько по-другому? — осведомился король.

Я напряг память. В Ильинске отродясь не было никаких балов, пляски мориори происходили под аккомпанемент бубна и, как правило, по ночам, а всеобщий праздник пока имелся только один — Новый год. Так что я вынужден был припомнить и свою молодость, а потом сочинить из обрывков воспоминаний некий гибрид.

— У нас всякие увеселения устраиваются ночью, — объяснил я, — и в несколько иной последовательности. Сначала народ напьется, а только потом начинает плясать под бубен, гармошку или проигрыватель. Если же кто не силен в искусстве хореографии, то он продолжает пить в компании таких же. Некоторые, правда, считают, что всякий приличный праздник обязан кончиться хорошей дракой, но властью это не приветствуется.

Через пару дней после бала нас посетило официальное французское посольство, благо война уже закончилась, и Людовику пришлось скрепя сердце подписать бумагу о том, что Вильгельм никакой не узурпатор, а, наоборот, самый что ни на есть легитимный английский король. И теперь их посол маркиз де Маргон с тремя сопровождающими его шестерками смог среди бела дня явиться в Кенсингтонский дворец.

Вот она, благодарность королей, мрачно подумал я, глядя на делегацию. Когда для связи с нами требовалось на утлой лодочке декабрьской ночью прошмыгнуть мимо английской пограничной стражи, то посылали де Тасьена, несмотря на его невысокий титул. А как визит перестал быть сопряженным хоть с какой-то опасностью, про виконта даже не вспомнили — и со мной желает разговаривать какой-то лошениый хмырь, на которого и смотреть-то неприятно! Нет, ребята, так не пойдет, по-

думал я и принял соответствующие меры. По результатам которых через три часа после начала визита сопровождающим маркиза было вручено его бесчувственное тело и письмо следующего содержания, адресованное французскому королю:

«Дорогой Людовик под номером четырнадцать, именуемый также Король-Солнце!

Чем же я так прогневал ваше величество, что вместо великолепного Александра де Тасьена, в чьем облике интеллект органично сочетался с высочайшими душевными качествами и все это было помножено на беззаветную отвагу старого солдата, вы прислали на переговоры какого-то тонконового недомерка? Лик которого не отмечен печатью ни одного из достоинств, присущих де Тасьену, а невоспитанность дошла до того, что этот слабак всего после третьего стакана упал хлебалом в салат и начал там храпеть, урод. Чмо это болотное, а не посол, вы уж извините за мой французский.

С уважением...

Титул, дата, подпись».

Я не спешил, ибо мои разведчики доложили, что царь Петр пока еще в Голландии, но буквально на днях собирается в Англию. И решено было подождать его тут, чем спешить куда-то с риском разминуться по дороге.

Кроме письма Людовику мне пришлось накорябать еще несколько распоряжений про расстояния от Кенсингтонского дворца до множества объектов в Лондоне, иначе пришлось бы сопровождать Элли во всех ее многочисленных визитах. Нет уж, пусть она поедит одна. Во-первых, я ей все-таки в значительной мере доверял, ибо герцогиня была отнюдь не дурой. Ну и вопросы супружеской верности все-таки волновали меня не настолько, чтобы из-за них забросить гораздо более важные дела.

В основном мне пришлось заниматься размещением наших заказов на продукцию английской металлургии.

Но на сей раз не в виде чушек — мы хотели получить готовые отливки заготовок под цилиндры и поршни паровых машин, которые у нас будут только обрабатываться. На прямые вопросы, зачем нам понадобились именно такие детали, я не отвечал, но не препятствовал распространению слухов, что это части каких-то очень мощных пушек. Кроме чугунных заготовок нам нужно было и листовое железо для котлов. Медь же мы заказывали в прутках, чтобы из них в Ильинске удобнее было делать проволоку. Вообще-то мои запасы самых разнообразных проводов еще далеко не закончились, но следовало заранее позаботиться о будущем.

Вся эта возня была довольно далека от завершения, когда через неделю после первого визита французов состоялся второй. Видимо, Людовику очень хотелось побыстрее стать счастливым обладателем дирижабля, потому как эту делегацию возглавлял виконт Александр де Тасьен. Однако до его появления я все же успел побеседовать на воздухоплавательные темы и с Вильгельмом.

Разумеется, то, что маркиз де Маргон не понравился мне с первого взгляда, вовсе не являлось основной причиной написания приведенного выше письма. Она заключалась в том, что к его визиту у меня еще не было полной ясности в данном вопросе. Ну а что Людовик после такого послания затаит обиду, ибо все источники характеризовали его как на редкость злопамятную скотину, меня не очень пугало. Ведь что ни говори, а главным и давним его врагом был Вильгельм, с которым мы просто соревновались в выражении дружеских чувств друг к другу. Так что любовь французского короля мне все равно не светила.

В свое время, еще в Ильинске, я неоднократно обсуждал европейские дела не только с Илейей, но и с Виктором.

— Дядя Леша, — спросил он меня, — так мы что, будем поддерживать не Францию, а Англию?

— Витя, — отвечал я ему, постаравшись, чтобы

мое выражение лица приобрело должную торжественность, — говорю тебе как пастырю. Австралийская империя, движимая высочайшей моральностью ее руководства, то есть и тебя в том числе, а также христианскими ценностями, всегда будет поддерживать слабого. Она в этом видит свой долг. Вот так, кто в данный момент слабее среди противоборствующих сторон — того и поддержит. Разумеется, если такая поддержка будет иметь смысл, — той же Испании, например, помогать уже поздно. В данный момент Франция является чуть ли не сверхдержавой в Европе, и это значит, что в ближайшее время нам следует дружить с Англией.

В общем, примерно из таких соображений я и пошел навстречу желанию английского короля уточнить, во что же может встать его стране создание воздушного флота.

— Видите ли, — сказал я, — дальность наших летающих кораблей, которые мы называем дирижаблями, не безгранична. У лучших экземпляров она не превышает трех тысяч миль.

Вообще-то, конечно, я назвал первую пришедшую мне в голову цифру, ибо на том изделии, которым мы собирались осчастливить Людовика, лично я не взялся бы пролететь и трехсот километров. А «Граф Цеппелин» имел расчетную дальность всего в семьдесят, но дальше двадцати километров от аэродрома Франсуа на нем не летал.

— Трех тысяч миль, — повторил я. — Причем даже во время последней атлантико-австралийской войны воздушные корабли не могли летать намного дальше — для их доставки к месту боевых действий служили специальные суда, именуемые авианосцами. Но сейчас, скажу вам по секрету, у империи таких кораблей нет. Правда, уже рассматривается программа их строительства, но это достаточно долгое дело. Я веду речь к тому, что, прежде чем окончательно договариваться о стоимости дирижаблей, нужно внести ясность в вопрос их доставки. При отсутствии авианосцев выбора как такового нет. Единствен-

ная возможность — везти их в разобранном виде на кораблях, а потом собирать неподалеку от той страны, куда они предназначены. Именно неподалеку, а не в ней, потому как дирижаблестроители являются вершиной инженерной элиты империи и допустить пребывание их на чужой территории невозможно ни под каким видом.

В этом месте Вильгельм уже явно начал понимать, к чему идет разговор, и я продолжил:

— Принадлежность территории я имею в виду не юридическую, а фактическую. На бумаге она может принадлежать кому угодно, но фактически никакой власти, кроме австралийской, там быть не должно. Поэтому как вы смотрите на сдачу нам в аренду островов Силли, например? Лет этак на девяносто девять. Я решил в первую очередь обратиться с подобной просьбой именно к вам, учитывая сложившиеся дружеские отношения между нашими странами. Однако вы, разумеется, понимаете, что в случае отказа Австралия просто вынуждена будет предложить что-то подобное Франции, Испании или Португалии.

Ясное дело, что Вильгельм попросил время на раздумья, правда, добавив, что лично он не видит в моей просьбе ничего неприемлемого. Однако данный вопрос не относится к тем, которые английский король может решать единолично, добавил мой собеседник.

Да уж, подумать ему теперь есть над чем. С одной стороны, в случае положительного решения прямо под носом у Англии образуется чужая военная база. И, судя по поведению австралийцев, они смогут в случае чего ее защитить, иначе не предлагали бы подобного. Но есть и другая сторона проблемы — при скорости австралийских судов и дальности полета их дирижаблей, которые, кстати, летают наверняка быстрее, чем плавают корабли, расстояние от базы до Англии особой роли не играет. Будет ли она в тридцати милях или тысяче, на результате это скажется мало. А в таком радиусе множество островов, и какой-нибудь австралийцы все равно получают. Наконец, чем ближе австралийская база будет к Англии, тем проще

при прочих равных условиях туда будет попасть англичанам и труднее — их противникам.

Однако кое-какие соображения у Вильгельма появились сразу, и он не замедлил ими поделиться:

— Понимаете, просто так отдавать кусок территории, пусть и в аренду, чревато непониманием общества. Но вот если произвести обмен...

— Да за-ради бога! Где тут у меня карта-то лежала? Вот она, смотрите. Замечательный остров, по площади раз в сто больше всех островов Силли, вместе взятых. И очень удобно расположен — как раз на полпути между Новой Австралией и метрополией. Мы его специально не объявляли колонией: была мысль устроить там торговую базу, но с этим вы, если появится желание, справитесь ничуть не хуже. Вот, любуйтесь, остров Махорий.

Вообще-то этот остров назывался Маккуори, но я не хотел вводить англичан в искушение столь явно шотландским названием, поэтому слегка австралифицировал его.

— Это, пожалуй, упрощает задачу, — оживился Вильгельм. — Вы позволите взять эту карту, чтобы показать ее кое-кому?

— Да, разумеется, и вот вам еще несколько фотографий с пейзажами острова. И пожалуй, давайте опять вернемся к дирижаблям. Вы совершенно правы в своих подозрениях, что большие воздушные корабли очень дороги не только в производстве, но и в эксплуатации. Гораздо дороже линейных кораблей — в десятки, если не в сотни раз. В Европе сейчас просто нет страны, которая могла бы позволить себе содержать хоть один воздушный линкор, даже если каким-то чудом и ухитрилась бы его купить. Так что оптимальными для начала будут малые дирижабли наподобие заказываемого Людовиком. Заодно на них вы сможете и подготовить кадры. Ну а конкретную цену можно будет уточнить после принятия решения по островам. Однако сразу могу сказать, что для вас условия приобретения будут куда более щадящими, чем для французов.